

Глаза режиссёра Суна явно загорелись. Такая игра сразу же раскрыла факт, что персонаж «уже знал правду, но был вынужден молчать», оставляя зрителям загадку. Это было гораздо искуснее, чем прямолинейное произнесение реплик Цзян Ло. Неужели этот парень действительно никогда раньше не играл? Почему он так мастерски справляется с персонажем?

Юань Маньмань тоже была удивлена. Она продолжила:

— Скажи мне, я действительно лиса-оборотень? Я действительно дочь моего отца?

Шэнь Тан смотрел на неё прямо. Хотя его лицо было слишком юным, явно мальчишеским, его взгляд был невероятно мудрым, а тон — полным отеческой заботы:

— Конечно, я ведь видел, как ты росла...

Он слегка улыбнулся:

— Ты, малышка...

Юань Маньмань рассмеялась.

Шэнь Тан: ...

— Простите, режиссёр, но Шэнь Тан выглядит так, будто ещё не закончил школу, а он называет меня малышкой. Это слишком неестественно.

Юань Маньмань, которую съёмочная группа пригласила за большие деньги, дебютировала в подростковом возрасте и к этому моменту уже давно была в индустрии. Как она могла так легко рассмеяться? Шэнь Тан понимал, что она делает это намеренно, но сделал вид, что не замечает, и наивно сказал:

— Сестра Мань, мне уже двадцать один.

Режиссёр Сун тоже ничего не мог поделать и дал понять Сунь Хайжуну начать заново.

— Мотор!

Шэнь Тан снова улыбнулся, его выражение и движения были такими же, как в первый раз, и он снова идеально справился:

— Ты, малышка...

Юань Маньмань снова рассмеялась.

На этот раз она смеялась так, что едва могла дышать:

— Простите, режиссёр, но выражение лица Шэнь Тана просто уморительное.

Сяо Цзин нахмурился. Это было слишком очевидно. Выражение Шэнь Тана было безупречным. Он рекомендовал его и был готов к честной конкуренции, но если кто-то намеренно ставит палки в колёса... Шэнь Тан встретился с его взглядом и едва заметно покачал головой.

Шэнь Тан по-прежнему терпеливо играл, и они повторили сцену в третий, четвёртый раз... Каждый раз, когда они доходили до этого момента, Юань Маньмань смеялась. В конце концов, даже режиссёр Сун начал выглядеть недовольным.

Юань Маньмань тоже смеялась через силу. Она несколько раз прерывала сцену, но Шэнь Тан оставался совершенно невозмутимым. Обычный молодой актёр уже давно бы запаниковал и начал ошибаться в этом месте. Если бы у него был характер, он бы поспорил с ней, и тогда инициатива оказалась бы в её руках, и он бы вряд ли получил роль.

Но этот парень, несмотря на юный возраст, сохранял полное спокойствие, как будто ничего не происходило. Какая же у него выдержка?

Если бы они продолжили, даже если бы Юань Маньмань перестала намеренно сбивать его, сцена всё равно бы не пошла — пробы отличаются от настоящих съёмок. Постоянные дубли, даже если это не вина актёра, утомляют зрителей и режиссёра.

Сяо Цзин встал и сказал:

— Сестра Мань устала, может, я сыграю вместо неё?

Шэнь Тан знал, что это было бы идеально, но не удержался и пошутил:

— Ты сыграешь Ли Цинцин?

Сяо Цзин бросил на него взгляд:

— Я сыграю следующий отрывок, где Чи Е спасает красного одетого юношу. Я сыграю красного.

После двух сцен Сяо Цзин понял, что Шэнь Тан почти не смотрел сценарий, но запоминал всё с первого раза, поэтому не беспокоился, что он не успеет выучить реплики.

Зрители зашумели. Если Чи Е был уже второстепенным персонажем, то красный одетый юноша появлялся ещё реже. Его персонаж был членом клана Чи Е, росшим с ним с детства, он был и учителем, и другом. Чи Е однажды сказал: «Тебе идёт красное», и с тех пор юноша всегда носил красное, за что и получил своё прозвище. У него даже не было настоящего имени. И Сяо Цзин согласился сыграть такого персонажа?

Теперь все смотрели, боясь пропустить хоть один момент. Была и другая причина: между Чи Е и красным одетым юношей была доля намёка на романтику, а в Тёплом Благоухающем Павильоне, куда попал красный, горели благовония с афродизиаксом.

Это был один из коммерческих приёмов, привлекающих зрителей. В эпоху, когда фаномы одержимы гомосексуальными парами, если в промо не будет намёка на такой сюжет, фильму будет сложно прокатиться.

Романсы между героем и героиней уже устарели. Современные девушки, даже зная, что актёры гетеросексуальны, с удовольствием поддерживают такие пары, и продюсеры активно используют это в маркетинге. Шэнь Тан тоже использовал этот приём для продвижения Тан Юйсюаня, но всё это было фальшивкой. Он презирал это: прямые парни шутят друг с другом, а девушки визжат от восторга, но когда настоящий гей открыто заявляет о своей ориентации, общество его не принимает.

Шоу-бизнес — это место, где много геев, но открыто об этом говорят единицы. Их можно пересчитать по пальцам.

— Сяо Тан, начнём.

Сяо Цзин уже переоделся в красный халат, который был более облегающим, чем костюм Шэнь Тана. У Сяо Цзина была отличная фигура, и в этом наряде он выглядел ещё более статным, с широкими плечами и узкой талией, его лицо было невероятно привлекательным.

Шэнь Тан помнил, как однажды видел фотографию Сяо Цзина в древнем костюме на его фан-форуме. Заголовок гласил: «На дороге встретился человек, прекрасный, как нефрит, юноша, равного которому нет в мире».

Теперь, увидев Сяо Цзина в этом образе, Шэнь Тан мысленно оценил его тремя словами: «Маленький демон».

Оператор щёлкнул хлопушкой и крикнул:

— Мотор!

Шэнь Тан вошёл в съёмочную зону, чувствуя лёгкое волнение. Он с нетерпением ждал игры Сяо Цзина.

Место проб было перенесено с открытой площадки в павильон. Шэнь Тан играл Чи Е, тысячелетнего демона, который сохранял свой харизматичный и дерзкий стиль, войдя в «Тёплый Благоухающий Павильон». Сяо Цзин лежал на кушетке, его персонаж, «красный», уже попал под действие благовоний с афродизиаксом, и должен был выглядеть одурманенным, с затуманенным взглядом и тяжёлым дыханием.

Но он не издавал ни звука, лишь опустил голову. Тонкая ткань халата подчёркивала его стройную фигуру. Сяо Цзин был высоким, и он слегка согнул ноги, чтобы показать слабость от отравления. Когда «Чи Е» подошёл, он слегка поднял голову, и Шэнь Тан невольно сглотнул.

Глаза Сяо Цзина были затуманены, на ресницах даже блестели капли влаги. Его ресницы были длинными и прямыми, лицо очень худым, с чёткими чертами. Шэнь Тан почувствовал лёгкую боль в сердце: когда он впервые увидел его, у Сяо Цзина было больше мяса на лице, и он выглядел более юным и наивным, что сильно отличалось от его нынешнего строгого и серьёзного образа.

Сяо Цзин тихо произнёс:

— Господин.

Шэнь Тан быстро вернулся в роль, плотно сжал губы и начал осматривать «красного». Под его ладонью чувствовались твёрдые мышцы, и Шэнь Тан постоянно напоминал себе: «Это проба». С неохотой он отпустил Сяо Цзина и сказал:

— Ничего серьёзного.

Сяо Цзин тихо произнёс:

— Господин, простите, что снова побеспокоил вас...

Шэнь Тан прервал его:

— Пусть это больше не повторится.

Свет в глазах Сяо Цзина мгновенно погас, и он просто сказал:

— Хорошо.

Шэнь Тан поднял его подбородок, слегка надавив пальцами, что заставило Сяо Цзина едва заметно нахмуриться. Ощущение от прикосновения было приятным, и голос Шэнь Тана стал соблазнительным, как будто он был не только могущественным демоном, но и харизматичным агентом:

— Не позволяй никому видеть тебя таким соблазнительным.

Сяо Цзин на мгновение задумался. Почему этот человек, которого он не может забыть, всегда напоминает о себе? К счастью, актёрская игра давалась ему легко, и он не забыл свою реплику:

— Господин, что вы имеете в виду?

— Я имею в виду, — Шэнь Тан внезапно наклонился и поцеловал Сяо Цзина в губы, — что ты мой.

— Снято! — крикнул режиссёр Сун. — Отлично!

Шэнь Тан улыбнулся Сяо Цзину, чувствуя лёгкое сожаление, что сцена закончилась. Сяо Цзин мгновенно вернулся к своему обычному холодному и отстранённому образу. Шэнь Тан смотрел на его бесстрастное лицо и с сожалением подумал: «Как бы хотелось, чтобы эта сцена продолжилась более „глубоко“».

Вокруг шептались:

— Разве в этой сцене был поцелуй?

— Откуда мне знать, я не дочитал сценарий.

— Я уверен, что там не было поцелуя. Он сам добавил? И режиссёр его похвалил, что происходит?

— Ладно, Сяо Цзин ничего не сказал, сцена получилась удачной, режиссёр, конечно, не будет возражать.

— Да, учитель Сяо даже не взорвался, это странно. Я, что, сплю? Это реальность?

Сун Цзюнь сказал:

— Не ожидал, что эта неподготовленная сцена получится так хорошо! Особенно взгляд Шэнь Тана на «красного» — в нём была и мужская оценка, и немного вожделения. Он идеально передал характер персонажа. Сяо Цзин, ты порекомендовал отличного актёра!

<http://bllate.org/book/16322/1472803>